

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.6

Н. А. Огнерубов

Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Воронеж, e-mail: ognerubovn@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ СТАТУСА ЭМБРИОНА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ

Ключевые слова: право на жизнь, эмбрион человека, правовой статус, преступление, объект уголовно-правовой охраны, вспомогательные репродуктивные технологии.

Проблема криминализации незаконных действий с эмбрионом актуализируется в связи с бурным развитием биотехнологий, которое сопровождается проведением исследований на них, с одной стороны, а также наличием обширного поля для злоупотреблений в сфере репродуктивных технологий, связанных, прежде всего, с искусственным оплодотворением – с другой. В этой связи перед наукой, в том числе и уголовно-правовой, ставится ряд вопросов, связанных с закреплением пределов реализации репродуктивных прав человека, установлением правомерности (неправомерности) использования эмбрионов для исследовательских и терапевтических целей. Не ставя перед собой задачи поиска решения по всему спектру обозначенных проблем, авторы статьи акцентировали внимание лишь на тех из них, которые нуждаются в решении средствами уголовного права. В работе на основе анализа российского и международного законодательства делается вывод о том, что правовой статус эмбриона имеет двойственную природу, в зависимости от того, развивается ли он *in vivo* и *in vitro*. В первом случае юридическая судьба эмбриона в настоящее время неотделима от охраны и защиты прав беременной женщины, при этом пределы реализации права эмбриона на жизнь определяются законодательно путем установления срока для возможного прерывания беременности, во втором – эмбрион нуждается в самостоятельной правовой защите, в том числе и средствами уголовного права.

N. A. Ognerubov

Central branch of FSBEI HE «Russian State University of Justice», Voronezh, e-mail: ognerubovn@mail.ru

THE LEGALIZATION PROBLEM OF THE EMBRYON STATUS IN THE CONTEXT OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF LIFE

Key words: right to life, human embryo, legal status, crime, object of criminal-legal protection, auxiliary reproductive technologies.

The problem of criminalization of illegal activities with embryos is more pressing today than ever. This is due to the rapid development of biotechnology, which causes research on embryos, on the one hand, as well as the presence of a vast field for abuse in the field of reproductive technology, primarily related to artificial insemination, on the other. In this connection, science, especially criminal law, is faced with a number of issues related to the establishment of limits on the exercise of reproductive rights and the establishment of the legitimacy (or illegality) of the use of embryos for research and therapeutic purposes. Therefore, without setting themselves the task of finding a solution to the entire spectrum of the above problems, the authors of the article focused only on those that need to be solved by means of criminal law. Based on an analysis of Russian and international legislation, the work concludes that the legal status of the embryo is dual, depending on whether it develops *in vivo* or *in vitro*. In the first case, the legal fate of the embryo is inseparable from the protection and protection of the rights of a pregnant woman, and law determines the limits of the implementation of the right of the embryo to life by setting a period for possible termination of pregnancy. In the second case, the embryo needs independent legal protection, including by means of criminal law.

Введение

Российский законодатель демонстрирует отсутствие однозначного ответа на вопрос о том, наделен ли эмбрион человека правом на жизнь и, соответствен-

но, подлежит ли оно защите правовыми средствами. В центре научной дискуссии, связанной с наличием у эмбриона правового статуса, находится вопрос относительно возможности детерминиро-

вать зародыш человека либо как субъект правоотношений, либо как их предмет, с которым могут быть совершены юридически-значимые действия – купля-продажа, мена, уничтожение и т.д. Теоретическая и практическая значимость поднимаемой проблематики заключается в актуальности поддержки государственной демографической позиции, в том числе с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), развития клеточной терапии, в результате чего в общественном пространстве образуются новые отношения, в центре которых находится эмбрион человека как объект таких общественных отношений. Отсюда возникает необходимость осмысления эмбриона не только в рамках его правового статуса, но и обеспечения его охраны уголовно-правовыми средствами как в условиях действующих норм, так и в перспективе их корреляции.

Цель исследования

В условиях развития биотехнологий и существующих правовых пробелов в вопросах правового статуса эмбриона и его квалификации как объекта правоотношений существуют риски злоупотреблений, связанных с репродуктивными исследованиями и их результатами, в том числе посредством искусственного оплодотворения. Эти аспекты ставят перед юридической наукой ряд вызовов, связанных с необходимостью установления пределов репродуктивных прав человека, определением границ правомерности использования эмбрионов как в рамках терапевтических целей, так и в рамках проводимых исследований. Немаловажным является обеспечение охраны указанных репродуктивных прав человека, установление и обоснование в уголовно-правовом поле статуса эмбриона. Данные обстоятельства обосновали цель настоящего исследования – изучение проблемы легализации статуса эмбриона в контексте уголовно-правовой охраны жизни.

Материал и методы исследования

Нормативную основу для настоящего исследования составили положения международных актов (Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, Декларация прав ребенка,

Конвенция о правах ребенка, Резолюция о некоммерческом использовании репродуктивного материала человека 2003 г., Заявление об исследовании эмбриональных стволовых клеток 2009 г. Всемирной медицинской ассоциации, Директива Парламента Европейского союза «О правовой защите изобретений в области биотехнологии»), российского (Конституция РФ, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах») и зарубежного (Франция, Германия, Ирландия, Чехия, Словакия) законодательства. Особое внимание было уделено положениям уголовного законодательства Российской Федерации, а также его сравнению с зарубежным законодательством, в том числе законодательством отдельных штатов Соединенных Штатов Америки. Также были изучены правовые позиции Европейского суда по правам человека и высших судебных инстанций отдельных государств. Вместе с этим, эмпирическую основу составили результаты исследований Европейского общества репродукции человека и эмбриологии. Теоретическая основа исследования включила в себя труды и зарубежных (К. Moss, R. Hughes, A.D. Lyerly, S. Nakagawa, M. Kuppermann, M. Jhalani, R. Steinbrook), и отечественных (Д.И. Дедов, Ю.Ф. Дружинина, Г.А. Есаков, А.В. Малешина, Ю.В. Павлова, А.Е. Даутбаева-Мухтарова, А.А. Пестрикова) авторов по тематике правового статуса эмбриона, границ правомерности проведения и использования репродуктивных технологий. В работе использованы как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, моделирование, абстрагирование, сравнение), так и частнонаучные, а именно формально-юридический (для выявления и конструирования положений), раскрывающий правовой статус эмбриона и сравнительно-правовой (для проведения сравнения правового регулирования отношений, связанных с использованием репродуктивных технологий, в различных странах).

Результаты исследования и их обсуждение

В науке уголовного права, равно как и в иных отраслевых науках, момент на-

чала жизни определяется по-разному. Так, например, с учетом медицинских показателей таковым считают момент отделения плода от тела матери [1, с. 480], момент начала самостоятельного дыхания [2, с. 218], момент перерезания пуповины [3, с. 10]. Сходство приведенных позиций очевидно – они исходят из наличия зависимости между началом жизни и началом физиологического процесса родов, что соответствует криминалистическому определению, даваемому на основании ч. 1 ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов» [4, с. 18-23]. Подобный подход законодателя имеет в своей основе конституционное положение о возможности реализации прав и свобод человека только с момента рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), т.е. критерием начала правовой охраны жизни является живорождение, которое в ч. 1 ст. 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5] определено как момент отделения плода от организма матери посредством родов.

В международном праве обнаруживается несколько иной подход, в котором прослеживаются отдельные элементы защиты права на жизнь еще до момента рождения. В частности, в нормативно-правовых актах, составляющих основу ювенальной юстиции в России, указывается, что специальная правовая защита предоставляется ребенку как до, так и после рождения [6; 7, с. 9-12]. Основной международно-правовой акт, регламентирующий признанные в подавляющем большинстве государств правила использования достижений биологии и медицины, содержит положения о том, что в случаях, когда закон разрешает проведение исследований на эмбрионах *in vitro*, он должен обеспечивать также надлежащую защиту эмбрионов. При этом, запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях [8, с. 745]. На конституционном уровне момент возникновения права на жизнь до рождения декларируется в Основных законах, например, Ирландии (ст. 15), Словакии (ст. 15), Чехии (ст. 6) [9, с. 115-121, 752]. Толкуя положения Конституции ФРГ, Высшая судебная инстанция этого государства обязывает законодате-

ля четко оговаривать все случаи искусственного прерывания беременности, защищая право на жизнь эмбриона [10], аналогичное правило содержится в законодательстве Франции [11, с. 57]. Еще дальше в защите прав эмбриона пошли страны с прецедентной системой права. В частности суды Великобритании в некоторых решениях придают ему статус личности, устанавливая ответственность за причинение вреда нерожденному ребенку по неосторожности, а также признавая его участником судебного процесса с самостоятельными процессуальными интересами [12, с. 125]. Уголовная ответственность за убийство эмбриона установлена законодательством ряда штатов США (например, Калифорнии и Теннеси) [12, с. 126].

Вывод о том, что в рамках международного правового поля эмбрион человека признан самостоятельной социальной ценностью, которая подлежит охране от неправомерных действий, может быть сделан, исходя из положений, например, ст. 18 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, в соответствии с которыми проведение исследований на эмбриональных тканях запрещено. Кроме того, ряд документов, принятых Всемирной медицинской ассоциацией (например, Резолюция о некоммерческом использовании репродуктивного материала человека 2003 г., Заявление об исследовании эмбриональных стволовых клеток 2009 г. и т.д.), содержит требования соблюдения этических норм при проведении репродуктивных мероприятий, а также указывает на необходимость создания в национальных правовых системах таких механизмов, которые исключали бы возможность коррупции при работе с зародышевой тканью, включая и применение мер уголовной ответственности [13, с. 69]. Необходимо отметить, что на уровне международного права эмбрион человека не только не является предметом коммерческих правоотношений, но и не может служить объектом патентного и изобретательского права, что с очевидностью следует из положений ст. 5 Директивы Парламента Европейского союза «О правовой защите изобретений в области биотехнологии»,

которая устанавливает невозможность выдачи патентов на изобретения, связанные с «человеческим телом на разных стадиях его развития» [14, с. 13-21].

Отечественная правовая доктрина не содержит однозначного ответа на вопрос о том, является ли эмбрион объектом или субъектом права. Подходы не только различны, но и весьма радикальны. Так, часть специалистов в области гражданского права предлагает отождествлять эмбрион с вещью в цивилистическом смысле, проводя аналогию с регламентацией такого объекта гражданского права как животные [15, с. 17]. В частности, Ю.Ф. Дружинина, анализируя основания приобретения и прекращения права собственности на эмбрион, приходит к выводу, что он может быть отнесен к индивидуально-определенным, движимым, неделимым, потребляемым вещам, «право собственности на которые принадлежит лицам (или лицу), обратившимся за медицинской помощью» [16, с. 140]. Другая часть, на наш взгляд, более обосновано утверждает, что эмбрион является категорией особого рода, т.е. явлением *sui generis* [17, с. 10], не уточняя, однако, его места в структуре правоотношения.

В специальной литературе высказываются различные предложения по ограничению жизни и здоровья женщины и плода как объектов уголовно-правовой охраны. Так, например, предлагается приравнять к убийству насильственное уничтожение человеческого эмбриона или плода, изменив соответствующим образом ч. 1 ст. 105 УК РФ [18, с. 23], что полностью исключит законность искусственного прерывания беременности. Близко, но не тождественно по содержанию предложение об обособлении уголовно-правовой охраны жизни только жизнеспособного плода [19, с. 203]. В частности, А.В. Малешина предлагает создать самостоятельное преступление, дополнив главу 16 УК РФ еще одним объектом охраны – жизнью и здоровьем плода, при этом объективную сторону конструируемого автором состава преступления должно составить противоправное умерщвление жизнеспособного плода, которое может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [20, с. 151].

В целом разделяя подобный подход, позволим себе отметить следующее. Во-первых, таким образом из правового поля реализации предлагаемой нормы уголовного закона исключается собственно эмбрион, который с медицинской и правовой точек зрения не тождественен плоду. Даже без учета медицинских критериев жизнеспособности, эмбрионом, согласно ст. 2 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» [21], считается зародыш человека на стадии развития до 8 недель, соответственно, после 8 недель и до родов – это уже плод. Таким образом, введение предлагаемого запрета ставит под сомнение существующие сроки законного искусственного прерывания беременности, которые должны быть сокращены с 12 до 8 недель. Во-вторых, суть предлагаемой новеллы не решает основной вопрос о начале жизни, поскольку в данной ситуации ее уголовно-правовая охрана осуществляется только с 8 недели развития. Думается, что в данном случае предлагается компромисс между защитой права на жизнь, которое принадлежит эмбриону в той же степени, что и человеку после рождения, и репродуктивными правами женщины. При этом пределы реализации первого определяются законодательно путем установления срока для возможного прерывания беременности. Согласимся с подобным подходом как временным, ждущим окончательного решения, поскольку при имеющемся уровне социальной защиты населения запрет на добровольное прерывание беременности приведет к негативным последствиям, в числе которых не только резкое ухудшение материального благосостояния населения, которое и сейчас не может быть сравнимо со среднеевропейским, но и прогнозируемое специалистами существенное увеличение количества криминальных аборт [22, с. 166], создающих угрозу не только жизни нерожденного ребенка, но и женщины. Решение проблемы нахождения баланса между правом на жизнь эмбриона и репродуктивными правами женщины видится в расширении пределов действия положений ст. 123 УК РФ.

Иной подход, как представляется, должен применяться к эмбриону, разви-

вающемуся *in vitro*, когда определение его правовой судьбы возможно без непосредственного воздействия на организм матери. В связи с этим необходимо затронуть весьма чувствительную с позиций демографической политики государства тему ВРТ, а также развитие клеточной терапии, которые стали причиной появления новых отношений, объектом которых выступает эмбрион человека. В специальной литературе неоднократно отмечалось отсутствие полноценной регулятивной правовой базы, в том числе и в зарубежном законодательстве, что в свою очередь является предпосылкой отсутствия норм об ответственности за правонарушения, например, в репродуктивной сфере [23, с. 104]. Так, в настоящее время в Российской Федерации базовой основой применения ВРТ является ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая оставляет за пределами регулирования значительный круг отношений, которые должны быть детализированы в отраслевом законодательстве, например, форму, порядок заключения и исполнения договоров об ЭКО и суррогатном материнстве, ответственность за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение, круг действий, совершение которых с эмбрионом запрещено и, соответственно, наказуемо. Частично данный пробел восполняется положениями ст. 3 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах», который устанавливает противоправность создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов, а также «использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса» [23].

Обозначим некоторые проблемы, которые могут возникнуть в условиях использования ВТР. Во-первых, нет определенности в вопросе влияния донорства гамет близким родственникам на генетические заболевания. В частности, Европейское общество репродукции человека и эмбриологии на основе проведенных эмпирических исследо-

ваний признало такое донорство допустимым [24], в то же время, ряд специалистов, ссылаясь на прямые показания к проведению ЭКО, указывают на недопустимость подобных манипуляций даже при наличии незначительного риска передачи наследственных заболеваний [25, с. 646]. Во-вторых, нет единства мнений относительно возможности получения вознаграждения за донорство яйцеклеток, поскольку данная процедура является инвазивным хирургическим вмешательством, а, соответственно, имеет риск осложнений, что должно быть мотивировано в том числе и с точки зрения потенциальной возможности несения женщиной расходов на восстановление здоровья [26, с. 718]. Кроме того, вполне обоснованные опасения вызывает такое следствие запрета на получение вознаграждения за донорство как резкое сокращение клеточного материала, необходимое для исследований, что может спровоцировать заинтересованных лиц на организацию нелегального бизнеса по предоставлению стволовых клеток [27, с. 323].

В специальной литературе достаточно подробно анализировалось европейское законодательство о ВРТ, а также законодательство стран СНГ [28, с. 44-53], проводились компаративные исследования судебных решений по данному вопросу [29, с. 17-26]. В этой связи позволим себе привести текст только одного решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) относительно статуса эмбриона и механизма защиты его от противоправных посягательств, которое, на наш взгляд, в полной мере отражает вектор дальнейшего развития законодательства в данной сфере: «По сути жизнь нерожденного ребенка ничем не отличается от жизни человека, уже появившегося на свет. Человеческие эмбрионы при любых обстоятельствах требуют обращения, достойного человека. Использование результатов научных исследований в области генома человека, в частности, в области генетики, не перевешивает уважения человеческого достоинства. Научный прогресс нельзя строить на неуважении онтологической природы человека. Цель науки, которая заключается в спасении жизни человека, не оправдывает средств, объ-

активно предполагающих уничтожение этой жизни» [30]. При этом, совершенно очевидно, что вопросы начала и конца человеческой жизни не могут быть отнесены к числу политических, а, соответственно оставляются на усмотрение национального законодателя, как это сделано в настоящее время. Должен быть установлен непреодолимый предел возможности экспериментов с человеческой жизнью, в том числе и при применении ВРТ.

Заключение

Юридическая судьба эмбриона с учетом реалий действующего российского законодательства, включая проблему легализации аборт, должна решаться на основе компромиссного подхода, который заключается в следующем. Необходимо разделять эмбрион *in vivo* и *in vitro*, т.е. развивающийся в теле матери и вне его. В первом случае юридическая судьба эмбриона в настоящее время неотделима от охраны и защиты прав беременной женщины. Наиболее иллюстративны в этом смысле положения п. «г» ч. 2 ст. 105, ст. 123 УК РФ. В данном случае причинение вреда беременной женщи-

не приравнивается к причинению вреда эмбриону *in vivo*. Во втором случае – эмбрион нуждается в самостоятельной правовой защите, в том числе и средствами уголовного права.

Полагаем, что порядок применения ВРТ должен быть детализирован в специальном правовом акте, что явилось бы юридическим основанием для введения уголовно-правового запрета на совершение противоправных действий в отношении эмбриона, что расценивается нами как уголовно-правовая гарантия права на жизнь. Кроме того, нельзя не отметить, что новизна, недостаточная правовая и биоэтическая проработанность вопросов ВРТ ставят и ряд проблем дискуссионного характера, касающихся определенных манипуляций с эмбрионами, которые не могут пока найти решения даже на уровне медицинского сообщества. Например, вопрос влияния донорства гамет близким родственникам на генетические заболевания, гуманность и этичность получения вознаграждения за донорство яйцеклеток с учетом риска осложнений хирургического вмешательства, риск нелегального бизнеса по предоставлению стволовых клеток.

Библиографический список

1. Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 511 с.
2. Судебная медицина / Под ред. В.В. Томилина. М.: Норма, 1987. 376 с.
3. Тишкевич И.С. Квалификация преступлений против жизни / И.С. Тишкевич. Минск: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1971. 78 с.
4. Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного: природа, причины, предупреждение / Е.Б. Кургузкина. Воронеж: Институт МВД России, 1999. 151 с.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2020).
6. Декларация прав ребенка, принятая Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. // https://www.garant.ru/files/6/4/1237346/deklaratsiya_prav_rebenka_%28provozglashena_rezolyutsiey_1386_%28hiv%29_generalnoy_assambl%281%29.rtf (дата обращения: 29.04.2020).
7. Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г. // Права ребенка: Основные международные документы. М.: Дом, 1992. 70 с.
8. Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине. Овьедо, 4 апреля. 1997 г. // Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 2002. 784 с.
9. Конституции государств Европы. В 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. М.: Норма, 2001. 824 с.
10. Сборник решений Федерального Конституционного Суда ФРГ-39,1; 88, 203 // http://dpp.mpil.de/04_2015/04_2015_81_105.pdf (дата обращения: 29.04.2020).

11. Сэнт-Роз Ж. Право и жизнь / Ж. Сэнт-Роз // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2003. № 6. С. 56–69.
12. Mason & McCall Smith Law and Medical Ethics. Butterworths. London, Edinburgh, Dublin, 1999. P. 125–137.
13. Moss K. Hart–Devlin revisited: law, morality and consent in parenthood / K. Moss, R. Hughes // *Medicine, Science and the Law*. Vol. 51. 2. 2011. P. 68–75.
14. Directive 98/44/EC of the European Parliament and of the Council of 6 July 1998 on the legal protection of biotechnological inventions // OJ L 213, 30.07.98. P. 13–21.
15. Пестрикова А.А. Создание эмбрионов цель и дальнейшее использование, как основание определения их правового статуса / А.А. Пестрикова // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени: Сборник трудов 12-й Международной научной конференции (Екатеринбург, 7–8 августа 2015 г.). Екатеринбург: Национальная ассоциация ученых, 2015. С. 11–17.
16. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона in vitro / Ю.Ф. Дружинина // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–140.
17. Самойлова В.В. Российское и зарубежное семейное законодательство о применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) / В.В. Самойлова // Семейное и жилищное право. 2010. № 3. С. 7–10.
18. Страмилова Т.П. Уголовная ответственность за простое убийство: дис. ... к.ю.н. / Т.П. Страмилова. М., 2002. 139 с.
19. Есаков Г.А. Начало жизни человека при преступном причинении смерти: сравнительно-правовой анализ уголовного права России и Англии / Г.А. Есаков // «Черные дыры» в Российском законодательстве. Юридический журнал. 2004. № 2. С. 198–203.
20. Малешина А.В. Перспективы и возможности уголовно-правовой охраны «будущей жизни» (сравнительно-правовой анализ / А.В. Малешина // Известия вузов. Правоведение. 2011. № 3. С. 132–152.
21. Защита прав и интересов организаций и граждан: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминологический аспект (состояние, проблемы, пути совершенствования). Общее состояние и региональная специфика: Монография / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Норма, 2015. 144 с.
22. Paul D. From Reproductive Responsibility to Reproductive Autonomy / D. Paul // *Genetics, Medicine, and Society. Philosophy and Medicine*. Vol 75. 2002. P. 87–105.
23. О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.04.2020).
24. Medically Assisted Reproduction within Families: A Position Paper by the European Society of Human Reproduction and Embryology // <http://www.eshre.eu/ESHRE/English/Press-Room/Press-Release/2011-Press-Release/IMAR/page.aspx/1206> (дата обращения: 29.04.2020).
25. Lyerly A.D. Decisional Conflict and the Disposition of Frozen Embryos: Implications of Informed Consent / A.D. Lyerly, S. Nakagawa, M. Kuppermann // *Human Reproduction*. 2011. Vol. 26. № 3. P. 646–654.
26. Jhalani M. Protecting Egg Donors and Human Embryos the Failure of the South Korean Bioethics and Biosafety Act / M. Jhalani // *Pacific Rim Law & Policy Journal*. 2008. Vol. 17. № 3. P. 718.
27. Steinbrook R. Egg Donation and Human Embryonic Stem-Cell Research / R. Steinbrook // *New England Journal of Medicine*. 2006. Vol. 354. № 4. P. 324–326.
28. Павлова Ю.В. Человеческая жизнь: проблема определения момента начала правовой охраны / Ю.В. Павлова, А.Е. Даутбаева-Мухтарова // *Медицинское право*. 2018. № 2. С. 44–53.
29. Дедов Д.И. Начало жизни: От Эванса до Парилло / Д.И. Дедов // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights). Выпуск 2. М.: Статут, 2016. С. 17–26.
30. Постановление ЕСПЧ по делу Parrillo v. Italy [G.C.] № 46470/11, 27 August 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=400828#06157003279421251> (дата обращения: 29.04.2020).